

ТИПОЛОГИЯ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Антропоцентрический характер современных лингвистических исследований реализуется, в первую очередь, в изучении вопросов, ориентированных на социокультурную и этнокультурную языковую личность. Усиление интереса к проблемам индивидуально-личностного начала исследуемых явлений – это одно из проявлений общей современной тенденции к гуманизации научного знания. Особенно существенным понятие личности является для науки о языке, в которой личность уточняется как языковая личность, осуществляющая свою речевую деятельность. Понятие «языковая личность» – это родовое понятие, которое подразделяется на отдельные подвиды, о которых мы уже говорили выше. Социокультурная билингвальная личность – один из видов языковой личности, выделяемой нами из учета

варьирования личностью средств первого и второго языка в своей речевой деятельности, дифференцированного употребления их в зависимости от типа ситуации, социальной роли, социальных позиций, уровня компетентности во втором языке. Изучение соотношения языка с субъектом, его использующим, рассматривается обычно в деклической парадигме, в которой изучается «расслоение «я» говорящего на «я» как подлежащего предложения; «я» как субъект речи, «я» как внутреннее *ego*, контролируемое самим субъектом» [1, 4].

Исследование социокультурной билингвальной личности как субъекта вторичной речевой деятельности, позволяет нам рассматривать его с двух позиций: во-первых, как личность с чертами характера, свойственной конкретной билинг-

вальной личности, во-вторых, как билингвальную личность, обладающую обобщенными чертами, приписываемыми ему в какой-либо ситуации, а также в процессе общения с другими личностями. В. Рифлер Энгель, исследуя в динамике общение одного человека с другим, выделяет две основные категории фактора личности: 1) характерные для данной личности, связанной с внутренне присущими данному человеку свойствами характера; 2) случайные, привходящие, связанные с конкретным состоянием *эго* в момент его восприятия ситуации и межличностных отношений по ходу, скажем, разговора в группе собеседников [2, 47-56].

Все эти черты личности воспринимаются нами, так как по одним моментам мы познаем нечто типичное для билингвальной личности, по другим – лишь последствия переживаемых им пережитых обстоятельств. Мы изучаем билингвальную языковую «личность» с двух позиций: 1) как личность (индивид) и 2) с точки зрения личностных черт, присущих в данной ситуации всем билингвальным личностям, типичных для них. «Личность» (person) и личностность (personality), характер личности – это выводное знание о чертах конкретной личности, это «характер», взятый в привязке к данному человеку в данном эпизоде общения с ним. «Личностность» – это гипотетическая конструкция, о которой мы делаем предположение, исходя из того, что говорит (или о чем думает), что делает (или от чего воздерживается человек). С помощью этой конструкции мы пытаемся объяснить стабильные черты характера, отличающие данного человека от остальных и дающие основания для прогноза будущего поведения данного субъекта в данных обстоятельствах [3, 288].

Между личностью и представлением о личности нашего собеседника, отраженной в его речах и делах, лежит целый континуум переходов. М. Мосс эти переходы обозначает следующим образом: от «простого маскарада к маске; от «роли» (персонаж) к персоне; от последней – к имени, к индивиду; от этого последнего – к существу, обладающему метафизической и моральной ценностью; от последнего – к фундаментальной форме мысли и действия» [4, 22].

Рассматривая билингвальную личность с личностной точки зрения как гипотетическую конструкцию, имеющую стабильные черты ха-

рактера, отличающие социокультурную билингвальную личность от других типов языковых личностей, мы пытаемся также дать типологию данной личности, представляя ее как совокупность разных типов билингвальных социокультурных личностей, проявляющих себя по-разному в различных социальных ситуациях, типах речевых деятельностей, демонстрирующие разнообразное речевое поведение.

Языковая личность понимается учеными по-разному: 1) по филологически. В таком случае языковая личность выступает как синтез ампула, культурно-исторической маски и индивидуального стиля (В.В. Виноградов), в этом случае материалом исследования становится текст (или совокупность текстов) как культурно-исторический феномен словесности, на основу которого проводится реконструкция стиля говорящего, характеризуется творческая особенность каково-либо автора; 2) по лингвистически. Такое понимание языковой личности мы встречаем у Ю.Н. Караулова, который говорит, что в данном случае языковая личность предстает как совокупность способностей, обеспечивающих готовность к созданию и восприятию речевых произведений и поэтому в данном случае материалом исследования становится дискурс, позволяющий описать индивидуальный язык говорящего [5].

Социокультурная билингвальная личность понимается нами в филологическом плане как совокупность языковых способностей, обеспечивающих готовность к созданию и восприятию речевых произведений как вторым языке. Нас интересует вопрос о том, как билингвальная личность создает дискурсы разного плана на втором языке в процессе разных стадий освоения неродного вторичного языка, начиная от овладения разговорным стилем и заканчивая тем, что он свободно говорит на всех формах литературного второго языка, становится не только двуязычным и бидвугласным, переходя с одной формы общения на другую.

Дискурсивные способности социокультурные билингвальной личности при усвоении и освоении второго языка проявляются в ее готовности к усвоению слов и словосочетаний второго языка, пополнению своего словарного запаса – бивербально-семантический уровень. На этом уровне билингвальная личность проявляет свои способности к пополнению своей компетенции от

низшей степени компетентности на втором языке до высшей стадии компетенции, когда билингв может свободно изъясняться на втором языке. На данном уровне фигурируют отдельные слова, отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, совокупность которых суммируется единой «вербальной сетью» [6, 34]. Дискурсивные способности второго уровня отвечают за адекватное отображение в дискурсе фрагментов реального или мыслимого мира. Дискурсионные способности третьего уровня ориентированы на уместность использования вербализованных актов в социальном взаимодействии людей. Каждый из этих уровней по-своему репрезентирует билингвальную личность, но при ее характеристике в качестве целостного субъекта дискурса находятся в отношениях дополнительности при определении типологии билингвальной языковой личности. Поэтому необходимо выделить еще дискурсивно релевантные основания, с помощью которых и будут выявляться типичные черты речевого поведения личности.

При определении типологии билингвальной языковой личности следует учитывать ряд факторов: 1) способность говорящего варьировать свою речь на втором языке; 2) способность говорящего варьировать свою речь в условиях межкультурной коммуникации. Дискурсивные способности говорящего билингва проявляются в первую очередь в том, что он обладает способностью варьировать свою речь в зависимости от ситуации, в зависимости от того, какую социальную роль исполняет, в какой позиции находится. Варьируемость его речи проявляется также в том, что он может производить на втором языке речь в различных формах существования языка (от просторечной формы существования языка до литературной). И поэтому справедливым представляется замечание Долежеля о внимании к фигуре говорящего, когда говорящий рассматривается как один из факторов, «обуславливающих варьирование речи, выделение различных типов говорящего в зависимости от социальных и ситуативных признаков» [7].

Варьирование речи в деятельности говорящего проявляется на разных уровнях его коммуникации – от владения средствами разных языков (и варьирования, попеременного использова-

ния каждого из языка в зависимости от условий общения) до социального его варьирования, так называемого стратификационного варьирования, поскольку такое варьирование отражает стратификацию языкового сообщества на слои и группы. У. Лабов называет такого рода варианты речи, зависящие от социальных характеристик говорящих, индикаторами: каждый вариант как бы указывает на социальное положение носителя языка [8, 50]. Кроме этого, использование допускаемого нормой вариантов может зависеть от условий речи, от стиля, жанра, от степени внимания говорящего к собственной речи, официальности, неофициальности обстановки и т. п. Одни и те же носители языка могут выбирать разные варианты в зависимости от указанных условий. Так, в официальной обстановке, когда говорящий старается контролировать свое произношение, он выбирает более отчетливые произносительные нормы, например, [тол'кл], [чилавэк], [буд'ьт] [только, человек, будет], а в непринужденной обстановке предпочтет редуцированные варианты: [токъ], [чьлэк]. Это – стилистическое варьирование.

При составлении структурно-стилистической модели социокультурной билингвальной личности мы будем учитывать два обстоятельства: 1) способность его выступать членом второго социума и быть элементом социальной структуры вторичного социума; 2) способность билингва варьировать речь на втором языке в стилистическом плане.

Поскольку коммуникация включена в социальные отношения общающихся, то говорящий билингв, вступая в контакт с другим человеком, оказывается включенным в систему социальных отношений другого общества. С этого момента он должен оформлять свою деятельность по правилам, регулирующим эти социальные отношения. Ф.К. Бок говорит о культурных и языковых формах, регулирующих поведение социальных субъектов – членов общества.

Культурная форма – это набор взаимосвязанных и частично произвольных ожиданий, пониманий, верований и соглашений, разделяемых членами социальной группы, которой, как это можно показать, воздействует или воздействовал на поведение некоторых членов данной группы [9].

Языковые формы – это культурные формы *par excellence*, поскольку в целом между члена-

ми языкового сообщества существует очень высокая степень согласия в определении свойств и потенциальном распределении известных данной группе фонем, морфем, тагмемам и т.д. Такие частично произвольные понимания и ожидания воздействуют вполне предсказуемым и определенным образом на языковое поведение членов данного коллектива, оставаясь как правило, в области под- или надсознания [10, 373].

Эти культурные и языковые формы способствуют регулированию речи говорящего в разных социальных условиях, поэтому, по мысли американских исследователей (У. Лабов, Ф.К. Бок) можно выделить различные типы говорящих в зависимости от социальных и ситуативных признаков речи. Следуя мысли этих ученых, мы выделяем разные типы социокультурной билингвальной личности в зависимости от того, в какой позиции они находятся, какую роль они играют. Так, в условиях реализации социальных отношений неравенства можно выделить авторитарную, неавторитарную социокультурную билингвальную личность.

Социальные категории статус, престиж, социальная роль уже давно рассматриваются исследователями в качестве факторов, влияющих на стилистическое варьирование языка. Так, чешский лингвист Й. Краус положил в основу предложенной им квалификации именно эти категории при исследовании стилиобразующих факторов, среди которых он различает: 1) связанные с характером языковых сообщений и их функцией; 2) связанные с ориентацией на говорящего и слушающего; 3) связанные с оценкой личности говорящего [11].

Плодотворную попытку связать ролевую структуру поведения человека с функционально-стилистической дифференциацией языка была предпринята К.А. Долининым, по мнению которого «функциональные стили – это не что иное, как обобщенные речевые жанры, т. е. речевые нормы построения определенных, достаточно широких классов текстов, в которых воплощаются обобщенные социальные роли – такие как ученый, администратор, поэт, политик, журналист и т. п. Эти нормы – как и всякие нормы ролевого поведения – определяются ролевыми ожиданиями и ролевыми предписаниями, которые общество предъявляет к говорящим (пишущим).

Субъект речи (автор) знает, что тексты такого рода, преследующие такую цель, надо строить так, а не иначе и знает, что другие (читатели, слушатели) ждут от него именно такого речевого поведения [12]. Функциональные стили отражают традиционное представление о данного рода деятельности, сложившееся в данной культуре, ее (деятельности) социальный статус – т. е. как на нее смотрят в обществе, какие требования предъявляют к тем, кто ею занимается, – опять-таки ролевые предписания и ролевые ожидания, которые, будучи приняты субъектом, определяют его обращение к себе как исполнителю роли, к адресату речи как ролевому партнеру и к предмету речи как объекту ролевой деятельности» [13, 62].

В.В. Виноградов за стилистическими разновидностями литературного языка стремился увидеть их социальную подоплеку, а во взаимоотношениях литературного языка с просторечием, диалектами, жаргонами – взаимные связи коллективов носителей этих языковых подсистем, он неоднократно выдвигал положение о социально-экспрессивной окраске, присущей языковым средствам. Ученый рассматривал социально-экспрессивную окраску языковых средств в связи с социально-коммуникативной закрепленностью различных функциональных разновидностей речи. Он предвосхитил некоторые идеи современной социолингвистики о зависимости речи от ситуации и социальных ролей коммуникантов. Вот что он пишет, например, о разновидностях диалога: «В общественном сознании закреплены шаблоны диалогов, дифференцированных по типичным категориям быта. Так, говорится «официальный разговор», «служебный», «интимный», «семейная беседа» и т. п. Даже с представлениями о разных формах социального взаимодействия, каковы, например, «судебный процесс», «дискуссия», «прения» и т. п., у нас соединяются определенные ассоциации о сопровождающих их формах речеведения. Как существуют разные типы социально-экспрессивной окраски слов, так есть и разные типы социально-экспрессивных разновидностей диалога» [14, 161].

Как видим, социально-стилистическое варьирование речи в речевой деятельности говорящего на втором языке позволяет нам построить разные модели билингвальной личности в зави-

симости от его социального статуса, социальной роли и занимаемой социальной позиции, в которой реализуется его речь.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. – М., 1992. – С. 4-20.
2. *Raffler-Engel W. Von.* The perception of the message: The neglected factor wanted soziolinguistik. – Tubingen, 1981. – S. 47-56.
3. *Lexens J. Ph.* Sommes – nous tons des psychologies: Approche Psychosocial des theories implicates de la personnalite. – Bruxelles, 1983. – 288 p.
4. *Manss M.* A category of the human mind: The notion of person; the notion of self // The category of the person: Anthropology, philosophy, history. – Cambridge etc., 1986. – P. 1-25.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Эдиториал УРСС, 2004.
6. *Дридзе Т.М.* Интерпретационные характеристики и классификация текстов с учетом специфики интерпретационных сдвигов //Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1981.
7. *Dolezel L.* A framework for the statistical analysis of style //Statics and style. – N.Y., 1969.
8. *Labov W.* Phonological correlates of social stratification. In Jumper and Hymes. – N.Y., 1964. – P.164-176.
9. *Bock P.K.* The social structure of a Canadian Indian Reserve. Unpublished Ph.D. dissertation, Harvard University, Cambridge, Mass, 1962.
10. *Бок Ф.К.* Структура общества и структура языка // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – С.382-396.
11. *Kraus J.* On the sociolinguistic Aspects of the Notion of Functional Class //Reader in Czech sociolinguistics. T.J.Chlupek et al (Eds). –Amsterdam: Benjamins, 1987.S.83-93.
12. *Дошинин К.А.* Стилистика французского языка. – М., 1978.
13. *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). – М.: Наука, 1977. – 168с.
14. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255с.

Резюме

Мақалада тәржімашының аудармалық қабілеттілігі қарастырылып, оның құрылымындағы компоненттер сипатталған.

Summary

The author gives the social bilingual personality of the person in the social aspect.